

ЛИНН ЛАУБЕР, ЛУИЗА Л. ХЕЙ

Сотвори свое будущее

*Как силой мысли
изменить судьбу*



ПСИХОЛОГИЯ ПОЗИТИВА :)

**Линн Лаубер
Луиза Хей
Сотвори свое будущее. Как
силой мысли изменить судьбу**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3920705*

*Сотвори свое будущее. Как силой мысли изменить судьбу / Луиза Л. Хей, Линн Лаубер ; [пер. с англ. Е. К. Кудрявцевой].: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57006-5*

Аннотация

Луиза Хей – известный во всем мире психолог, автор бестселлеров «Исцели свою жизнь», «Сила внутри нас», «Исцели свое тело» и многих других. Она получила широкое международное признание как специалист по решению душевных проблем и вопросам самоисцеления от различных болезней. Ее практические методики основаны на программировании своего будущего с помощью позитивного настроя и положительных высказываний – аффирмаций. Линн Лаубер – писатель, специалист в области художественного и автобиографического жанра, а также в самоусовершенствовании.

«Сотвори свое будущее. Как силой мысли изменить судьбу» – не просто история о двух судьбах, эта книга – реальная возможность убедиться, что у нас всегда есть возможность изменить свою жизнь.

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Линн Лаубер, Луиза Л. Хей Сотвори свое будущее. Как силой мысли изменить судьбу

Данная книга — это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия мест и события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными событиями, местами либо с реальными людьми, ныне живыми или уже усопшими, совершенно случайно.



В ней было что-то свежее и новое. При определенном свете она словно излучала вне-временную красоту, что возрослило ее и придавало ей сходство со святой на одной из итальянских фресок. Она была поглощена окружающей красотой. Именно благодаря такому воспитанию они все и выжили.



Глава I

Это история о любви и надежде, о том, как два чужих человека спасли друг друга, казалось бы, в самый последний момент.



* * *

Это было еще одно знойное июльское утро в районе Миссия в Сан-Франциско, в котором все маломальски зеленое и приятное глазу постепенно исчезло. Чудесных сладких каштанов и душистых ив, которые росли здесь раньше, уже не было и в помине. А лужайки были покрыты черным, как лакрица, асфальтом.

Лупе, которая каталась на роликах во дворе жилого дома, казалась исключением из общего правила. В ней было что-то свежее и новое. У этой одиннадцатилетней длинноногой девочки были темные длинные волосы, стянутые сзади в «конский хвост». При определенном свете она словно излучала вневременную красоту, что взрослило ее и придавало ей сходство со святой на одной из итальянских фресок. Но от улыбки – а при этом на щеках у нее появлялись шаловливые ямочки – она снова становилась девчонкой.

Наматывая круг за кругом по подъездной дорожке перед домом, она тихонько, себе под нос, мурлыкала по-испански:

– Любовь – моя радость и свет.

В душе наступает рассвет.

Она остановилась, чтобы полюбоваться буйно цветущей старомодной чайной розой, что обвилась вокруг кружевной ограды, расправив пышные лепестки нежного абрикосового оттенка.

Девочка подняла взгляд на окно второго этажа, в проеме которого, словно по волшебству, показалось лицо пожилой женщины с темной, как кожура ореха, в глубоких морщинах, кожей.

– Бабушка, смотри!

– *Si, si. Muy bonita!*¹ Осторожнее, не уколись! – крикнула пожилая женщина, но ее слова, словно волной, накрыло звуками сальсы, когда кто-то внутри громко включил музыку.

Правда, Лупе все равно не стала бы ее слушать: она была поглощена окружающей красотой.

¹ Красавица моя! (исп.).

Это ничуть не беспокоило Хуану Салдана – она сама так воспитала внучку. Именно благодаря такому воспитанию они все и выжили.

Бабушка вернулась внутрь квартиры, что находилась на втором этаже, где двигались какие-то коробки и стоял постоянный стук. Это было убогое жилище со старой бытовой техникой и истертыми коврами. Молча, шаркающей походкой, вошел старик, держа большое комнатное растение в горшке. Поставил растение в гостиной и снова вышел.

Помимо стука молотка вскоре послышался какой-то другой звук, какое-то жужжание в соседней квартире 206.

Раздался грубый мужской голос, пытавшийся перекрыть царящий гам: «Я слышу! Слышу!» – и затем, словно в ответ, дернули за рычаг внутреннего переговорного устройства с кодовым замком.

Дверь широко распахнулась, и на пороге показался высокий мужчина лет пятидесяти по имени Джонатан Лэнгли. На его продолговатом лице было выражение ярости. Развевающиеся, с частой проседью темные волосы придавали ему необычный и немного рассеянный вид принца, который переживает далеко не лучшие времена. На тонком лице выделялись выступающие скулы и пухлые губы. На нем была дорогая льняная рубашка с пятнами от томатного соуса, а на носу – очки в тонкой металлической оправе с темными линзами. В правом кулаке была зажата пачка долларов.

Он выглянул во двор и воскликнул:

– Вы уже вошли или нет?

Но интерком продолжал дребезжать.

– Господи, да я ведь уже звонил, чтоб входили!

Он бросился к интеркому и снова дернул рычаг со всей силы.

В помещение ворвался оглушительный голос посыльного:

– Эй, вы там! Я тут принес для...!

Его перебил Джонатан: он был невыразимо зол. Последнее время его абсолютно все раздражало. Лишь за минувшую неделю он разбушевался по поводу счетчика, наорал на доставщика заказов из ресторана китайской кухни и на парикмахера, что стриг его раз в месяц. А все почему? Потому что терпеть не мог сидеть взаперти у себя в квартире и целиком зависеть от других.

– Нет, это вы «Эй вы там!». Я снова позвоню, что можно входить. Когда услышите звонок, открывайте дверь! Это как раз та металлическая большая штуковина, что торчит у вас прямо под носом!

Он снова нажал на рычаг кодового замка и при этом чертыхнулся. Посыльный наконец-то открыл дверь и вошел.

Лупе перестала кататься и остановилась посреди двора, с интересом и любопытством наблюдая за тем, как Джонатан то высовывался из окна, то нырял внутрь. Назойливый непрерывный грохот, раздававшийся из квартиры рядом, стал еще громче.

– Да перестаньте же колошматить! – прорычал Джонатан, уронив часть денег на пол. – Черт побери! – Он опустил на четвереньки и начал шарить руками вокруг себя.

Посыльный добрался до верхней лестничной площадки и увидел, как Лэнгли шарит по полу.

– У меня посылка для мистера Лэнгли!

– И без вас знаю, как меня зовут, покорно благодарю! – проворчал Лэнгли, все еще стоя на четвереньках и пытаясь нащупать на полу последний доллар. Он с трудом встал и протянул посыльному деньги: – Вот, здесь без сдачи!

Внизу послышался звук роликовых коньков. Лупе въехала в вестибюль и теперь смотрела на них снизу.

– И нечего внутри здания кататься! – крикнул Лэнгли. – А ну, марш на улицу, ясно? Здесь опаснее!

Посыльный взял деньги и вошел в квартиру вслед за Лэнгли. Здесь он наконец взглянул ему в лицо.

– Ой, черт, парень, а мне и невдомек! Ты же слепой!

Джонатан что-то прорычал и отвернулся.

– Положи сверток на стол, а другой заberi! Он готов к отправке. И поосторожнее!

– Эй, я свою работу знаю!

– Нет такого слова – «эй», – кратко бросил Лэнгли и отошел. А когда посыльный повернулся, чтобы уйти, шепотом добавил: – А вот слово «придурок» есть.

Посыльный почти скатился кубарем вниз по лестнице и по пути наткнулся на Лупе. Он посмотрел на нее, в его взгляде сквозили отчаяние и сочувствие.

– *Бог мой, ну и чудовище!*

– *Он просто растерян.*

– *Ты его что, знаешь?*

– *Нет, – ответила она и неуверенно добавила: – Пока нет.*

* * *

Лупе жила с бабушкой и дедушкой, но часто вспоминала родителей, вернувшихся в Мексику. В прошлом году они оба лишились работы в Штатах – отец работал на стройке, а мать была сестрой-хозяйкой в доме для престарелых. Поскольку официальных документов у них не было, они не могли получать пособие по безработице, а другой работы найти не удалось.

Лупе наблюдала, как они каждый вечер возвращались домой, стараясь не смотреть ей в глаза, а разговаривали тихо и взволнованно. Она подмечала, как они пересчитывали потрепанные доллары, которые были припрятаны на дне материнского комода. Она наблюдала, как некогда веселое лицо отца постепенно мрачнело и покрывалось морщинами. Обратила внимание и на то, что каждый вечер мать старалась по-разному готовить бобы или рис.

За последние месяцы семья лишилась опоры, и всем пришлось делать нелегкий выбор, кому оставаться в Америке, а кому возвращаться. В конце концов решили, что Лупе останется с бабушкой и дедушкой, а родители вернутся в Мексику. Лупе отчетливо, до боли, помнила тот ужасный разговор, когда мать особым, строгим голосом позвала ее в гостиную.

– Папа и я возвращаемся. Теперь придется жить так.

Когда Лупе расплакалась, мать обняла ее.

«Это ведь не навсегда, *mi amor!*² – произнесла она, сама едва сдерживая слезы. – Так будет лучше, сама понимаешь».

И от того, что переезд был вызван финансовыми трудностями, было ничуть не легче.

Лупе скучала по отцу, который помогал ей делать домашние задания по истории и математике. Ей не хватало смеха мамы по утрам. Ее улыбки, от которой и день становился светлее.

Она даже скучала по Аксочиापан, по мексиканской деревушке, откуда была родом, утопавшей в зелени, прекрасной и... нищей. Когда она жила вместе с родителями, то редко вспоминала об этой деревне. А теперь, когда они были так далеко от нее, она мечтала о бугенвилее, о лагуне неподалеку и о том теплом чувстве, которое ею овладевало, когда соседи устраивали посиделки на заднем дворе после ужина, чтобы охладиться после жаркого дня.

² Любовь моя! (исп.)

Она вспоминала, как ее лучшая подруга Мария приходила в гости и они вместе играли на заднем дворе. Лупе всегда изображала учительницу или медсестру, а Мария – ученицу или пациентку. В отличие от своих матерей, они собирались сделать карьеру, когда вырастут. Обе мечтали поступить в колледж, обзавестись собственным велосипедом, иметь возможность самостоятельно ходить в бакалейную лавку и выбирать все, что им захочется.

Лупе хотелось хотя бы навестить своих родителей и друзей, но бабушка сказала, что это невозможно. На такое излишество у них просто не было денег. И потом, а что, если Лупе больше не пустят в Штаты?

Бабушка напомнила ей, что сердце дедули больше не выдержит треволнений и несчастий. Но Лупе и не надо было об этом напоминать.

Она очень любила дедушку, его старенькое лицо, блеклые глаза, поулиточьи медленную походку. Когда-то Рауль Салдана был полон жизненных сил – мужчина, который строил дома и рубил деревья. Самато она это время не помнила – время, пока он еще не ослабел из-за эмфиземы и болезни сердца. Но по всей квартире были развешаны фотографии, которые доказывали, что это было правдой. На них и бабушка выглядела совершенно иначе – черноокой красавицей с камелиями в волосах. Они оба фотографировались в необычных нарядах. Дедушка снимался в широкополой шляпе и вышитой рубашке, а бабушка – в широкой юбке с оборками и рюшами. Они казались самыми жизнерадостными людьми на свете, держались так, словно будут жить вечно. В сознании Лупе эти люди уживались рядом со стариками, в которых в действительности превратились с тех пор ее дедушка и бабушка. Иногда они ей даже мерещились в образе уставших героев в сумрачном свете телевизионного экрана.



Старайтесь быть дружелюбнее.

Позитивное мышление, невозмутимое выражение лица и улыбка – действенные способы защиты от мрачных, скептических взглядов и неприятностей.



Глава II



Почувствовав сквозняк на лестнице, Джонатан понял, что посыльный не закрыл за собою дверь, и спустился, чтобы ее захлопнуть. По дороге он уловил острый запах лайма от лосьона после бритья, что свидетельствовало о присутствии мистера Антунуччи, домовладельца.

С тех пор как Джонатан ослеп, он обнаружил, что у каждого человека есть определенный, только ему присущий запах, который или возвещал о его приближении, или окружал его подобно ауре; иногда у него в голове возникали цветные образы.

Он никогда никому не говорил об этом. Но у мистера Антунуччи был не только цитрусовый, но и розовый запах.

– Что это за грохот там, за дверью?

– Привет, мистер Лэнгли! – произнес мистер Антунуччи голосом человека, которому не раз приходилось долго-долго выслушивать жалобы мистера Лэнгли.

– Я вот тут в ванной комнате устанавливаю перила.

– А зачем супругам Ли нужны поручни?

– Ли в прошлом месяце переехали. А теперь въезжают новые жильцы – пожилая пара Салдана сняла эту квартиру.

– Должно быть, очень уж старые, если им понадобились перила!

– Вы тоже когда-нибудь состаритесь.

– Сомневаюсь, – пробормотал Джонатан.

– Они снимают ненадолго – всего на пару месяцев. Одному из них нужно ходить на лечение в больницу, что находится через дорогу.

– На эту помойку? Скажите им, что они там как миленькие подхватят стафилококк!

– Постарайтесь быть дружелюбнее.

Из спальни вышел старик и, медленно толкая перед собой тележку с кислородным баллоном, направился в холл.

– Доброе утро, мистер Салдана, – сказал Антунуччи.

– Утро доброе, – с трудом ответил старик, а затем зашелся в долгом приступе влажного кашля. Из квартиры за его спиной доносились звуки сальсы.

Джонатан покачал головой, возвращаясь к себе в квартиру:

– Господи, помоги!

– Вам его помощь действительно понадобится, – прошептал Антунуччи.

Лупе, которая заглядывала в квартиру супругов Салдана, выкатилась на роликах и установилась на табличку на двери Джонатана.

– Этот Джонатан Лэнгли – самый несчастный человек на свете, – произнес мистер Антунуччи.

* * *

Джонатан не всегда был грубым слепым мужланом, орущим на соседей и посыльных. Когда-то о нем говорил весь город, он был преуспевающим художником, входил в избранный круг молодых щеголей, которых отличали шик и привлекательность. Он выставлялся в европейских столицах, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Казалось, что его фотография не сходила со страниц светской хроники «Нью-Йорк Таймс», особенно раздела о моде. Он улыбался то на какой-нибудь вечеринке, то на церемонии открытия. Всегда красив и подтянут и всегда на виду. Он был героем материалов и «Лос-Анджелес Таймс», и «Чикаго Трибюн». Ему приходилось так часто давать интервью, что в итоге он на них даже не волновался.

Репринты и репродукции его самой известной картины «Танцующий бродяга» сделали его богатым и знаменитым. Он пытался не поддаваться искушению славой, но не смог с собой совладать. Привык к похвалам; затем решил, что заслуживает их. Тратил практически все, что зарабатывал. Купил серебристый «Ягуар» и квартиру на Мэдисонавентю, пристрастился к серым, цвета голубинового оперения, свитерам из кашемира и пальто на меховой подкладке.

Он был не в ладах с родителями и сестрой – когда-то они наговорили друг другу много неприятного, а обидные слова не взять обратно. Других близких родственников у него не было, поэтому семью ему заменили друзья и другие художники. Они праздновали День благодарения в Аспене и встречали Рождество на островах в Карибском море. Они так часто летали на Гавайи, что в конце концов Джонатан купил дом на острове Мауи, прямо на берегу моря – один из трех, которыми владел в те времена, когда преуспевал и пользовался влиянием.

Все это, как он полагал, будет продолжаться всегда. Старые деньги закончатся, появятся новые. Благосостояние умножится, как и число друзей; а внешность всегда можно подправить небольшой пластической подтяжкой.

Но вот однажды наступил судьбоносный год, когда все стало меняться.

И в конце концов наступил крах.

Его друзья начали болеть, а потом умирать один за другим от вируса, о котором никто ничего не знал и у которого даже не было названия.

Казалось, что его друзья – красивые молодые люди с точеными чертами лица и пышными светлыми шевелюрами – превращались в изможденных, напоминающих призраков существ быстрее, чем он успевал написать их портреты. Они ложились в больницы и уже никогда не выходили оттуда. Вместо вечеринок он вынужден был ходить в омерзительные похоронные конторы, где отвратительно пахло лилиями. Он стоял где-то в задних рядах и наблюдал за тем, как родственники, приехавшие из других мест – откуда-нибудь из Кентукки или Миссисипи, – с душераздирающими рыданиями, которые могли растопить даже самое ледяное сердце, прощались со своими умершими сыновьями. Это были талантливые, творческие натуры, покинувшие родной кров, чтобы стать певцами или актерами. И вот они безвозвратно сгнули, а вместе с ними и жизнь, которая, по мнению Джонатана, должна была длиться бесконечно.

Вслед за этим и у Джонатана началось какое-то тяжелое скоротечное заболевание, от которого он в считанные месяцы лишился зрения. Сначала он перестал различать газетный текст, потом не смог прочесть меню в ресторане. А затем и перестал писать, но не потому, что у него не было идей, а потому, что уже было трудно видеть наносимые на холст контуры. И как только его агент понял, что Джонатан больше не в состоянии ничего создать, его популярность сошла на нет, поскольку молва об этом быстро распространилась в художественных кругах.

Он ослеп! Для художника, по его мнению, это было хуже смерти. По статусу он превратился в калеку-невидимку. В мгновение ока он стал одиноким обитателем съемной квартиры, который нуждался в помощи посторонних практически во всем, что касалось повседневной жизни.

Горечь, которая переполняла Джонатана в тот гиблый период, уже никогда не отступала. С тех пор у него во рту навсегда остался едкий привкус желчи. Все его раздражало. Непрошенные телефонные звонки, телевизионная реклама, невозможность быстро открыть пузырек с таблетками. Иногда по ночам он буквально заставлял себя вспоминать прошлую жизнь и то, что она вообще у него была, поскольку осталось слишком мало свидетелей того времени.

Как же он здесь оказался, в этом шумном третьеразрядном доме, где обитали только нелегальные иммигранты да торговцы наркотиками? Он подумал, что бы сказали его друзья, увидев его здесь, вынужденного платить посыльному за доставку дешевой китайской стряпни.

Он уже практически не выходил из квартиры, лишь иногда, чтобы посидеть на стуле около входной двери и выкурить небольшую импортную сигару – одну из немногих оставшихся. Это было одно из нескольких еще доступных ему удовольствий.

Его повседневная жизнь ограничивалась постелью, ванной, стулом и сигарой раз в день. «Какой смысл так жить?» – спрашивал он себя.

И больше всего его беспокоило, что до сих пор не удалось найти ответа на этот вопрос.

* * *

По мнению Лупе, было хорошо, что ей нравились пожилые люди. Поскольку ей приходилось в основном проводить время именно с ними. Она все время была в обществе дедушки и бабушки. Она играла с дедушкой в подкидного дурака после ужина и слушала бабушкины истории, которые та рассказывала ей почти за полночь. Она отлично все их помнила. Одна из историй была про то, как бабушка с дедушкой встретились на свидании вслепую на деревенских танцах.

Тогда дедушка вошел весь в пыли после целого рабочего дня на строительстве дороги, а бабушка не хотела общаться с ним до тех пор, пока он не сходит домой переодеться и не вымоет голову.

Была еще одна история про то, как родилась мать Лупе: плод шел ножками вперед; роды продолжались целый день и ночь, совершенно обессилив бабушку. Та велела позвать священника и молилась, чтобы бог прибрал ее на небеса. Были истории о том, как мужья бросали своих жен, а потом возвращались обратно. А когда этого не случалось, судьба (бог, как говорила бабушка) их строго за это карала. Кто-то лишался ноги, в одночасье лысел или разорялся. Лупе никогда не надоедали эти истории и сюжетные линии, полные конфликтов, повествований об отваге и чести. В бабушкиных рассказах добро всегда побеждало. Никто из героев не умирал, разве что когда-то потом, за пределами истории.

Лупе нравилось слушать нравоучительные выводы. Она становилась лучше, и бабушке это было отлично известно.

Друзья дедушки и бабушки были и ее друзьями. Пожилая миссис Гонсалес с каштановыми, почти бордовыми волосами, из квартиры номер 102, которая приходила к ним, опираясь на две трости, чтобы угостить свежими лепешками тортийя и местными сплетнями. Мистер Сантана из квартиры 109, у которого недавно умерла жена, выходивший к завтраку, чтобы выплакаться над чашкой утреннего кофе с молоком. В этот час он ощущал боль утраты сильнее всего, говорил он.

Дедушка с бабушкой отличались гостеприимством и общительностью, а Лупе часто приходилось встречать гостей. Ей нравились их искреннее поведение, морщинистые лица и умение говорить правду.

Но это не значило, что она не тосковала по друзьям-сверстникам. Особенно в школе, где она пока не нашла ни одной группы учеников, где бы стала своей.

Испаноговорящие девушки в ее школе казались старше Лупе, у которой в шкафчике все еще лежала мягкая игрушка-зверушка и которая все еще не носила бюстгалтера. Эти девушки смотрели на нее с презрением, конечно, если замечали.

«Лупе у нас все еще малолетка из начальной школы, верно, Лупе?» – спросила одна из самых бойких и развязных девушек по имени Рита, когда Лупе проходила мимо их стайки в холле, а те в это время надували пузыри из жевательной резинки. «Нет», – просто ответила Лупе и постаралась как можно быстрее прошмыгнуть мимо, чтобы они не заметили ее поношенного, с небольшой дырочкой на спине, платья, которое выстирала и выгладила бабушка, или ее старомодных туфель, купленных в дешевом магазинчике.

А Лупе нравились заносчивые светловолосые девочки, которых в школе было большинство, – дочери состоятельных городских дантистов и врачей, напоминавшие принцесс.

У этих девочек были такие же красивые матери, подъезжавшие прямо к тротуару у школы в спортивных машинах, откуда выходили дочери с чувством собственного достоинства и благоухая духами. Одна из таких, по имени Бри, была настолько хрупкой, самоуверенной и прекрасной, что Лупе невольно представляла себя в роли ее подруги. Бри была олицетворением успеха в обществе – в школьной столовой девочки всегда оставляли для нее свободное местечко во главе особого столика. Она была законодательницей школьной моды – в этом году в моде были короткие черные юбки с оборками и облегающие топы, не доходящие до талии; популярностью также пользовались фильмы, книги и телешоу, которые ей нравились. Она никогда не уставала и не унывала. Ее овальное лицо всегда было залито легким румянцем, а голубые глаза чуть подчеркнуты макияжем. Лупе никогда не видела, чтобы у Бри вдруг высыпали неприглядные прыщики, которые иногда бывали у нее.

Как-то вечером Лупе набралась смелости и сказала Бри:

– Мне нравится цвет твоей блузки.

Блузка была нежно-голубого цвета, словно небо над ее родной мексиканской деревней. Но Бри лишь взглянула на нее так, словно та только что сказала самую большую глупость на свете.

Единственное, что могла сделать Лупе, так это не расплакаться.

Но затем ей вспомнился совет бабушки о неприятностях и о действительности позитивного мышления. Она постаралась придать лицу невозмутимое выражение и улыбнулась Бри, несмотря на мрачный, скептический взгляд девочки.

– И чего нашла смешного? – спросила Бри у подружки, и обе с хохотом удалились.



Слова, которые мы произносим, обладают огромной положительной силой. Никогда не говори ничего плохого и не ругайся. Произноси только добрые слова, в которых много света». Это могут быть любые слова, на любом языке. Главное, чтобы они звучали по-доброму, и чтобы ты не хотела ничего дурного. Старайся видеть жизнь такой, какой ты хочешь, чтобы она была. Считай жизнь любимых людей благословением и светом. В этом секрет жизни. Что-то, что всем известно, но о чем почти все забывают.

Глава III



Однажды после школьных занятий Лупе съезжала на велосипеде со склона горы, длинные волосы развевались от сильного ветра. Стояла страшная жара, воздух был влажным. Температура выше 90 по Фаренгейту, но Лупе напевала песенку, а слова уносило прочь порывом ветра.

Она остановила велосипед перед низким кирпичным зданием, где находилась одна из местных библиотек. Она вошла в компьютерный класс, села перед монитором и ввела строку поиска имя Джонатана. И просто глазам своим не поверила, когда на экране появилось его изображение в молодости. Это был он, но более счастливый, с темными волосами, не таким изможденным лицом и со смешинками в глазах. Там были целые страницы материалов о его творчестве и жизни. Лупе прочла все залпом.

«Прославившись как художник, Джонатан Лэнгли является также и признанным мастером репродукции, который более чем за двадцать лет расширил границы традиционного искусства репродукции в самых неординарных направлениях.

Репродукция его самой знаменитой картины «Танцующий бродяга», отличающейся насыщенной цветовой гаммой, смелостью стиля, реалистичностью изображения, остается первой по числу продаж из всех его произведений с самого момента ее появления».

Лупе кликнула мышкой по изображению картины на экране. На картине был нарисован мужчина, который стоит ночью на углу безлюдной улицы. Он был длинноногим, как Джонатан, у него были резко очерченные черты лица и пухлый рот. И только рука вскинута в изящном жесте танцора. Это была прекрасная картина, которая навевала воспоминания.

Лупе продолжала кликать мышкой и читала дальше: «К сожалению, поразительная творческая деятельность Лэнгли трагически оборвалась из-за тяжелой, приведшей к инвалидности болезни, поразившей его в сороковых годах. В настоящее время художник совершенно слеп... проживает где-то в районе залива Сан-Франциско. С начала болезни он не создал ни одного нового произведения».

Кто-то нарочито громко кашлянул у Лупе за спиной. Она оглянулась и увидела, что за ней стоит Бри, и вид у нее весьма нетерпеливый. На ней были черная юбка, облегающий топ и блестящие ожерелья из черных витых шнуров на шее.

— Может, соизволишь сказать, надолго ли ты тут застряла? Мне нужно заняться докладом по социологии!

Лупе взглянула вокруг: все компьютеры были заняты. Работающие за ними школьники пришли примерно за пять минут до нее. Почему Бри не обратилась к кому-то из них? Однако она отогнала от себя эту мысль и улыбнулась Бри.

— Я сейчас закончу. Уже почти все сделала. Извини, что задержала!

Она распечатала на принтере статью о Джонатане, затем быстро собрала книги, чтобы уступить место Бри. Та уселась, не удостоив Лупе взглядом, и даже спасибо не сказала.

Лупе намеренно немного задержалась, словно надеялась, что с ней заговорят. Но Бри только махнула длинными золотистыми волосами. Стоя у нее за спиной, Лупе исподволь наблюдала, как Бри заходит в Facebook.

Бри заметила, что за ней наблюдают, и самодовольно ухмыльнулась.

* * *

Вернувшись домой, Лупе увидела, что Джонатан сидит у двери своей квартиры, откинувшись на спинку стула и куря небольшую сигару.

– Кто это?

Лупе промолчала, какое-то мгновение рассматривая Джонатана, словно сравнивая его с той картиной, что видела утром.

– Вы бы не курили! – сказала она.

– Это кто говорит?

– Лупе.

– Ну что же, Лупе, не лезь не в свое дело, – произнес он, выдохнув темное колечко дыма прямо ей в лицо.

– Воздух принадлежит всем, – серьезно сказала Лупе.

– Ох, уволь от наставлений. И кстати, что ты здесь делаешь наверху? Разве ты тут живешь? Ты мне вроде знакома. Ты не пользуешься духами с розовым ароматом?

– Нет! – ответила Лупе, словно на оскорбление. – Я вообще не пользуюсь духами.

– А может, это шампунь. Или ты сама так пахнешь.

Он не стал говорить, что когда чувствовал этот запах в воздухе, то одновременно видел слабый серебристый блеск.

– Я живу здесь с бабушкой и дедушкой, – сообщила ему Лупе. – Это в квартире напротив.

Джонатан глубоко вдохнул сигарный дым.

– Что ж, возможно, это интересно! Ты учишься на медсестру?

– Медсестру?

– Впрочем, неважно.

Он стряхнул пепел от сигары в пепельницу.

– Кстати, какую бы фигню твоя бабушка вчера ни жарила, запах у меня в квартире стоял весь вечер.

Лупе промурлыкала пару нот себе под нос.

– Что это?

– Бабушка мне велела петь это каждый раз, когда кто-то ругается.

Джонатан издал отрывистый смешок.

– Ну, фигня – это вряд ли ругательство. Если хочешь услышать ругательства...

Лупе быстро снова запела песенку.

– Перестань!

Лупе подошла и стала совсем близко.

– А что за гадкую сигару вы курите?

– Это дорогой сорт, вот какую!

– Пожалуйста, прекратите! Моему дедушке и так трудно дышать.

– Это его проблемы.

– Но от вашего курения пострадает наша дружба!

– Дружба? – Он расхохотался. – А лет-то тебе сколько?

– Одиннадцать.

– Что ж, ты для меня немного молода, дорогуша.

– А вам сколько лет?

– Двести двенадцать!

– Вы слишком старый, чтобы курить. Но, раз мы друзья, я вам помогу!

Лупе спокойно забрала у Джонатана сигару и направилась вниз по лестнице.

– Эй, ты что вытворяешь? А ну верни!

Он водил руками по воздуху, пытаясь схватить сигару.

– Я же слепой. Я тебя не вижу!

– Знаю, – ответила Лупе, продолжая спускаться.

– Ты, маленькая негодница, верни сейчас же!

– Все в порядке. Можете кричать сколько угодно. Мы все равно подружмся. Я припасла для вас много хорошего!

– Это ты о чем?

– Простипрощай, гадкая сигара!

– Ты, маленькая чертовка, ты о чем говоришь?

Но Лупе уже была внизу, попрежнему напевая себе под нос. Она унесла сигару далеко на улицу по аллее, а там растоптала ее каблуком.

* * *

Бабушка была для Лупе и доверенным лицом, и советчицей; тем человеком, который и направлял, и воодушевлял ее. У нее всегда находился совет на любой случай жизни, причем обычно по каждому случаю она еще и рассказывала какую-то личную историю.

Когда в школе одна из учениц обругала Лупе, бабушка рассказала ей о мальчике, которого все обижали, а он вырос и стал преуспевающим адвокатом, защищал людей, которые не могли сами за себя постоять.

Однажды Лупе подралась с мальчишкой, который хотел стащить ее кошелек; после этого бабушка научила ее специальному приему, она научилась выворачивать руку в запястье, так что в следующий раз парень выронил кошелек, закричав от боли и удивления. «Этим приемом можно также пользоваться, если нужно быстро убежать», – объяснила ей бабушка.

Судя по всему, у бабушки был богатый жизненный опыт, и она всегда знала, что и когда нужно делать.

Это она научила Лупе петь песенки при встрече с чем-то неприятным. Она считала негативные эмоции мощной силой; заразной, как болезнь, с которой необходимо начинать борьбу мгновенно, не оставляя ей ни малейшего шанса на проникновение в душу.

Любимая песенка Лупе начиналась так:

Где-то в самой глубине души моей
Есть бездонный с любовью колодец;
Ты себе, если хочешь, налей;
И оттуда доброту бесконечно я черпаю.
И она тогда сердце мне переполняет,

Тело, ум и естество; всех вокруг обогревает.
И чем больше я даю,
то тем больше получаю.
И тем больше я должна
окружающим, я знаю.
Мой источник никогда,
ни за что не иссякает ³.

Лупе пела эту песенку столько раз, что уже выучила ее наизусть.

– Помни, у каждого в голове есть умный глаз. Если ты стараешься разглядеть им что-то, то это входит в твою жизнь, – учила бабушка Лупе. – Слова, которые мы произносим, обладают огромной силой. Никогда не говори ничего плохого и не ругайся. Произноси только добрые слова, в которых много света.

– Испанские или английские? – попыталась уточнить Лупе.
Бабушка рассмеялась и обняла внучку.

– Это совсем неважно, цветок ты мой маленький! Любые слова. Главное, чтобы они звучали подобному и чтобы ты не хотела ничего дурного. Старайся видеть жизнь такой, какой ты хочешь, чтобы она была. Считай жизнь любимых людей благословением и светом. В этом секрет жизни. Что-то, что всем известно, но о чем почти все забывают.

От обнимавшей ее бабушки пахло потом и тальком. Если Лупе вдруг становилось страшно ночью, она обхватывала бабушку за шею крепко обеими руками и сильно прижималась к ней.

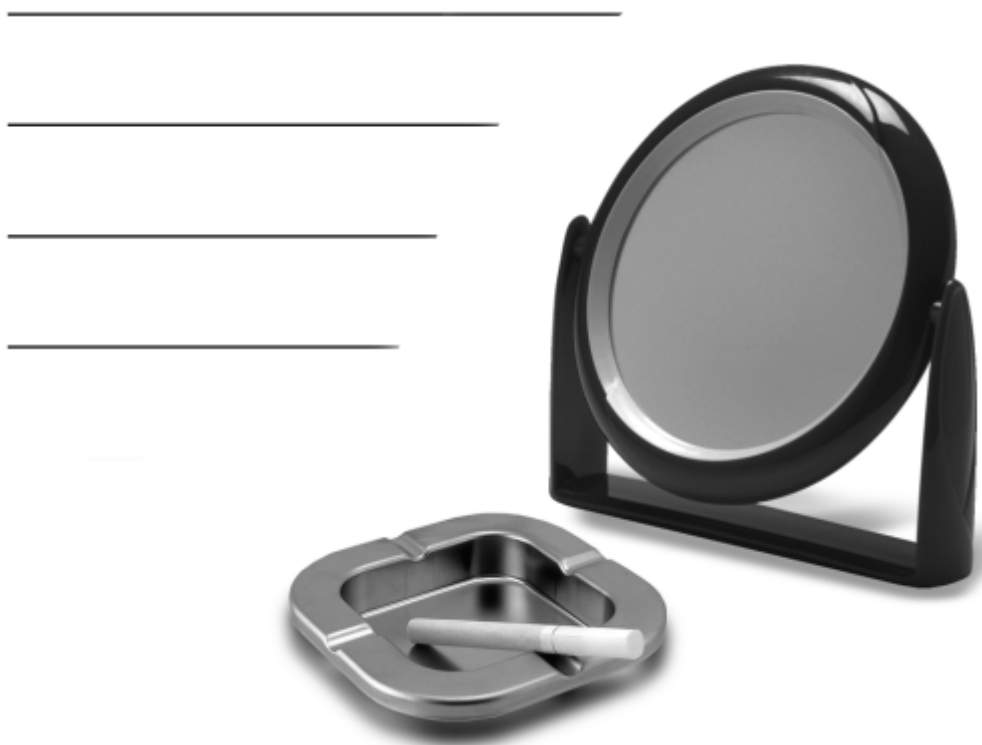
³ Перевод Кудрявцевой Е. К.



Я пускаю в свой мир только хороших людей, ведь они – мое отражение в зеркале...

*** * ***

Видите, вот вы и бросаете курить. Вот, вы уже и ругаетесь меньше.



Глава IV



И снова знойный, угнетающий своей жарой день.

Лупе сидела под зонтом со стаканчиком лимонада под вывеской, на которой было написано: «Лучший лимонад в городе». Перед этим она проехала весь путь до торгового центра на велосипеде, хотя бабушка и считала, что там слишком дорого для малоимущих людей. Лупе купила лимоны, фунт сахара в пакете, чистой питьевой воды. Она стояла на кухне, а бабушка показывала ей, как вкуснее приготовить лимонад:

– Дома мы всегда пьем *agua de limon*⁴ комнатной температуры, но в Америке людям нравятся холодные напитки. Поэтому нужно положить побольше кубиков льда и постоянно добавлять новые, иначе никто не станет покупать.

Через полчаса перед Лупе стоял кувшин, где было несколько кварт лимонада.

Она улыбнулась бизнесмену, который быстро прошагал мимо, что-то сердито говоря по мобильному телефону. Но он даже не взглянул в ее сторону. Не обратили на нее внимания и другие, кто прошел следом – подросток-джоггер, женщина среднего возраста в облегающем белом платье с гарнитурой Bluetooth на голове, которая, если смотреть со стороны, словно спорила сама с собой.

Неподалеку у фонаря остановился джип, в котором было полно старшеклассников. Один из них насмешливо посмотрел на Лупе.

– Эй, чикита! – выкрикнул кто-то из них, словно выругался.

Солнце сменило положение, день все не кончался. Бабушка Лупе посмотрела на нее из окна и уже собиралась позвать девочку, но не стала.

У Лупе на спине платье прилипло к телу мокрым квадратиком, пот струйками начал стекать по щеке. Но она продолжала улыбаться. На столе перед ней лежал лист бумаги с надписью: «На добрые дела», которую она слегка закрывала рукой.

Лупе зажмурилась и прошептала:

– Я пускаю в свой мир только хороших людей, ведь они – мое отражение в зеркале.

Она широко открыла глаза и огляделась. Сейчас тротуар был безлюден. Лишь черная собака на мгновение остановилась, чтобы понюхать ее туфлю, а затем суетливо потрусилась дальше.

⁴ Лимонад (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.